ЧИСЛО 10. Львовъ 19. Марта 1857. РОКЪ X.

Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4зр. 40кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвртр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА.

Предплату отбираевъ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского М. Дзѣковскій.

ПИСЬМО ПОСВАЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ, ЗАБАВѢ И ГОСПОДАРСТВУ

ОДА

къ юношамъ

Сердечныи юноши, неба любимцы!
Погляньте на кругъ вашъ, связанъ животомъ —
На кругъ тотъ пространный, где въ чувствѣ святомъ
Вы есте счастливы якъ братья — родимцы!
Вы вручаете вселенной
Жизни вашой сильный сборъ —
Возносящи пѣсней хоръ
Знаменемъ любви весенной. . .

* *
*

Нужъ станьте въ томъ крузѣ надежды всемірной
И дайте другъ другу долонь бодрости:
Щобъ въ струяхъ животныхъ святой щедрости
Блеснулъ намъ свѣтъ плодовъ прилѣжности вѣрной.
Вы то кормите въ зародѣ
Искру первородныхъ силъ
Съ чувствомъ що лучъ свѣтилъ
Завигаетъ въ мрачномъ сводѣ!

* *
*

Связаны тимъ чиномъ не бойтесь маръ темныхъ
Ни дерзкихъ нашествій временныхъ всѣхъ злобъ;
И хоть бы враждебный гонитель вашъ гробъ
Хотѣлъ поглотити цвѣтъ ранній сновъ земныхъ
Вы опершись въ вашой силѣ —
Освященны Божествомъ
Возгремѣтъ съ цѣлымъ родствомъ
Пѣснь побѣдну въ всемъ предѣлѣ!

* *
*

Щожъ могутъ вредити громовыи тучи?
Що сдѣлаетъ злого бѣшенный орканъ?
Когда вы свергнувши страхъ ночный въ курганъ
Почіете въ мѣстѣ, где солнечны лучи!
Только смѣло поступайте
И не бойтесь темныхъ маръ —
Истина бо есть вашъ даръ,
Въ чемъ и духъ вашъ розвивайте.

* *
*

Такъ! истина, тая дочь Силы небесной —
Она да проникнетъ въ васъ все естество
Являючи откровенья таинство
Живуще въ притворѣ святины небесной...
Истина безъ всѣхъ сомнѣній
Пріиметъ васъ въ Храмъ величавъ:
Щобъ въ честь церкви и державъ
Вы творили плодъ свѣдѣній. —

Емиліанъ зъ Григорова.

ПОСЛѢДНОЕ СРЕДСТВО

II СМЕРТЬ ВЪ СПАДЩИНѢ.

(продолженіе)

Оутромъ рано долго розговоривалася лѣкарь съ графинею. Она высказала всю исторію своего житья. Человѣкъ ей, графъ Генрикъ Дружевскій померъ на сухоты въ двадьцать четвертомъ году жизны своей. На тую жъ самую хоробу и въ тое самое злополучное время преставились его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ. Словомъ сухоты были родовою слабостію цѣлого мужеского поколѣнья Дружевскихъ, и якъ далеко преданія родовыи сягали, не пережилъ

никто зъ Дрꙋжевскихъ двадцатчетвертого года жизны. Всѣхъ забирала смерть повольна, отъ давна предвидѣна, на передъ означена и ожидана. Сынъ полꙋчалъ ею въ спадщинѣ по отцꙋ, а оставлялъ снова сынꙋ и внꙋкꙋ.

„Ꙗ осталась сиротою, далекіи сродники приняли мене въ свое покровительство" — продолжала графиня грꙋстно. — „Найшла ꙗ прибѣжище ꙋ моего вꙋйка, властелина невеликой волости близъ Борина. Тамъ то познакомился съ мною слꙋчайно мой бꙋдꙋщій чоловѣкъ графъ Генрикъ Дрꙋжевскій. Былъ онъ втогда въ цѣлой окрестности извѣстный по своей добросердности и постоянномꙋ характерꙋ. Молодецъ несполна двадцати двохъ лѣтъ соединялъ въ своемъ хорошомъ и добродꙋшномъ лицꙋ ꙗкій то ꙋгрюмый смꙋтокъ, ꙗкое то разительное страданіе; такъ що поглянꙋвши примѣтнѣйше на него, мимовольно покотилась слеза по моемꙋ лицꙋ. Графъ постерегъ мое волненіе, и нагородилъ оно небавомъ искренною любовію."

„Смꙋтное преданіе о его родѣ мнѣ было совсемъ неизвѣстно. Мой вꙋйко сокрывалъ оное предо мною старанно, ибо ꙗкъ позже ꙋдостовѣрилась, дꙋмалъ онъ мене ꙋжъ изъ давна высватати за графа. Гнъ Дрꙋжевскій посѣщалъ отъ сихъ поръ домъ нашъ ежедневно, а въ короткомъ времени просилъ о мою рꙋкꙋ. Не отказала ꙗ семꙋ предложенію. Ꙗ прельщалась легкомысленностію женьскою, що полꙋчꙋ титꙋлъ графины и станꙋ членомъ высшого общества. Не примѣчала ꙗ, що всѣ шептали щото о графѣ и о моемъ весѣлю, що подрꙋжки глядѣли на мене съ ꙗкимъ то милосердіемъ и сочꙋвствіемъ. Въ моемъ счастію и не прійшло мнѣ на гадкꙋ подꙋмати о слѣдствіахъ моего постꙋпка. Сблизился наконецъ день бракосочетанія. Ꙗ пріодѣвалась въ весѣльнꙋю одеждꙋ, когда тетка моя вступила въ комнатꙋ. Порꙋшена совѣстію открыла менѣ все, и представила небезпеченьство ꙋгрожающое мнѣ бракосочетаніемъ съ человѣкомъ, который въ грꙋди своей носитъ зародище непохибной смерти. Смꙋтно сдѣлалось менѣ въ моемъ вѣнкꙋ на головѣ и сердце стиснꙋло грꙋдь подъ весѣльною одеждою. Тотъ, которого ꙗ цѣлымъ жаромъ полюбила, до которого сердце прильгнꙋло, былъ больше трꙋпомъ нижели жіющимъ естествомъ! Съ начала стало мнѣ мрачно, колѣна затрепетали подъ мною; но небавомъ оцꙋтилась ꙗ и вошла даже съ ꙋсмѣхомъ на ꙋстахъ въ залю.

„Откажись всего!" сказали мнѣ двѣ подрꙋжки къ ꙋхо. — „Про любовь Бога остережите ею" — шептали тꙋ и самъ знакомыи и незнакомыи. А ꙗ тряслась по всемъ тѣлѣ, но первое мое постановленіе осталось неотмѣннымъ."

„Ахъ! было бы то неистовствомъ прійти къ несчастномꙋ любимцꙋ и безпощадно сказати емꙋ: „Отвергаю съ пренебреженіемъ твою рꙋкꙋ, бо она потягнетъ мя съ собою въ гробъ; отвращаюсь отъ твоего лица бо на немъ смерть изрыла ꙋжъ свое знамя; презираю твоимъ именемъ, бо имя твое, то отгомонъ неспадающого вѣка отъ трꙋмны!"

„О, былобы то жестокостію достойною самыхъ свирѣпыхъ тыгрисовъ! Смѣло предстала ꙗ къ олтарю, и присягла вѣчнꙋю любовь и вѣрность человѣкꙋ, которого жизнь на дни числилась . . . Въ годъ позже была ꙗ матерью а въ полтора вдовицею. И отъ той то хвили начина-

ются мои терпѣнія и нещастія. Якъ часто поглядѣла я на колыску моего дитяти, представлялось мнѣ тое страшное преданіе о его родѣ, тая ужасная спадщина, которую долженъ сей невинный ребенокъ по отцу получити. Не стану повѣствовати Господину, сколько претерпѣла я, сколько слезъ истекло изъ моихъ очей. Хотѣла я конечно спасти дитя любезное бодайбы и жертвою собственной жизны. Я искала рады у найлучшихъ лѣкарей, употребляла заграничныхъ купелей, всякое средство не пропущала, дабы якъ найскорше загладити въ немъ зародище ужасной хоробы."

„И казалось, Богъ милосердный выслушалъ мои моленія. Совѣстнѣйшіи лѣкари смѣялись съ моей обавы. Артуръ возрасталъ въ удалого молодца, и не былъ въ ничѣмъ подобенъ отцу. Якъ небощикъ мой человѣкъ всегда блѣдымъ, слабовитымъ и сумнымъ оставался, такъ Артуръ становился чимъ скорше сильнымъ, черствымъ и веселымъ. Не было ему ровесника, который бы превышалъ его въ бѣганю или въ якой нибудь иной забавѣ требующой силы и проворности. Увѣрила я тогда утвержденіямъ лѣкарей, и успокоившись со всемъ заняласъ его образованіемъ. Понятный хлопецъ отличался во всѣхъ предметахъ, я не понималась зъ радости. Но среди сей радости, среди сего блаженного спокоя стало приключеніе, которое уничтожаетъ безпощадно все мое счастіе, разрушаетъ всю мою надежду. Говорливость старого слуги открыла двадцатилѣтному уже юношѣ злополучное преданіе, сказаное отъ многихъ поколѣнь съ родиною Дружевскихъ. Буйная фантазія младенца присовокупила къ сумному преданію якій то неизбѣжимый фатализмъ, которому онъ поддатись долженъ. Мало по малу попалъ онъ въ сильное убѣжденіе, що смерть въ двадцатъ четвертомъ году жизны постигнетъ его и що никто не спасетъ его отъ того жребія. Настала отмѣна страшна въ цѣломъ его характерѣ. Лице его сталось похмурнымъ, потерялъ свободный умъ младенца, затерились всѣ давнѣйшіи признаки его склонности и охоты. Чорная смута залягала его чело, болѣзнь и отчаяніе изъображались въ его очахъ, а сердце горестію преисполнилось.

„Ахъ, имѣю ли повторяти Господину снова новыи бѣдствія моего положенія, новую горесть и терпѣнія?" — продолжала графиня проливаючи горкіи слезы. — „Опять обновилась моя недоля и досегодня продолжается безпрерывно. Новая хорова моральная Артура побольшалась съ каждымъ днемъ, а днесь достигла найвысшой степени. Днесь его ничѣмъ не увеселишь, ничѣмъ не привлечешь. Даже тая искренная любовь ко мнѣ, котора ни на хвилю не уступила съ его сердца, сталась ему источникомъ страданія и мучительствъ. Каждая минута пригадуетъ ему: за два года не узрю тебе больше."

„Заботилась я всѣми силами зарадити той ужасной моральной хоробѣ въ первомъ ей зародищѣ. Совѣтовалась снова славныхъ лѣкарей. Всѣ они стискали раменами и всѣ подавали одно и то самое средство: развлекати всѣми силами умъ его и подъ влѣяніемъ внѣшныхъ впечатлѣній изцѣляти хворотливую фантазію."

„Нужно ли Господину сказати, що всѣхъ средствъ употребляла я къ тому,

що не жалѣла нїѧкого трꙋда, нїѧкихъ жертвъ, дабы ожиданнꙋю цѣль осѧгнꙋти? Пꙋстилась въ пꙋтешествїе по всѣхъ краѧхъ европейскихъ, остановлѧлась по всѣхъ престольныхъ городахъ, но все напрасно! По двалѣтномъ пꙋтешествїю возвратилась въ отечество не замѣтивши ни малѣйшого оулꙋчшенїѧ. Днесь полагаю цѣлꙋ мою надеждꙋ въ тобѣ, въ твоей радѣ виждꙋ только длѧ себе спасенїе." (п. с.)

КРАСОТА И ВЕЛИЧЕСТВЕННОСТЬ

(продолженїе)

Одностайность природы оудерживаетсѧ безпрерывнымъ разоренїемъ. Цѣлый свѣтъ безпрестанно важитсѧ междꙋ разоренїемъ а розвитїемъ. Матерїѧ съ одной вѣтви естественной природы переходитъ въ дрꙋгꙋю. Нищо въ найбольшомъ замѣшательствѣ не пропадаетъ. Зрѣлище, на которомъ тое все дѣетсѧ, всегда тоже самое, только естества на короткое времѧ становлѧтсѧ дѣлателями. Що хвили одни выстꙋпаютъ на зрѣлище, инїи никнꙋтъ и невидимо снова претворѧютсѧ и образꙋютъ. Природа отнимающаѧ одною рꙋкою, вознаграждаетъ второю. Кажда матерїѧ должна перейти розличнїи дѣла, розличнїи дѣлати оуслꙋги.

Верблюди и дꙋбы повалѧтсѧ, скалы вѣтры рознесꙋтъ. Везꙋвъ перестанетъ выметати огнедышꙋщїи тѣла, землѧ не выдасть ожизнающого плода; но послѣдствїемъ сего разоренїѧ есть воскресенїе, искꙋпленїе, благороднѣйшаѧ жизнь. Есть одна предвѣчна причина, котора сама собою, а въ которой все живетъ, крꙋгомъ которой тое движенїе, тїи перемѣны дѣютсѧ — длѧ ней шꙋмъ, лоскотъ и борба природныхъ силъ сꙋть объѧвленїемъ жизны звꙋчнѣйшою гармонїею ѧкъ совокꙋпленїе розличныхъ инстрꙋментовъ и звꙋковъ.

При томъ природа всюда памѧтала, дабы оужасность и величественность кꙋпно имѣла такожъ красны противорѣчїѧ. Рꙋчей съ шꙋмомъ изъ скалъ ревꙋщїй розбризгаетсѧ въ дробныи пылки, которїи солнце розличными красками начертиваетъ. Пропасти морѧ покрыла милїонами конхъ найоказальшой красоты. Глꙋбинꙋ земли демантами прїꙋкрасила. Однообразной поверхности воды велѣла перемѣнѧтисѧ въ великанскїи валваны, хотѣла дабы береги оукрашали тꙋю однообразность, дабы мѣсѧцъ позлащалъ пꙋть оуединенным мореплавателѧмъ. Кто изчислитъ сїю перемѣнꙋ цвѣтовъ и корчей съ мѣстцами, где отцвѣтаютъ? длѧ чего одно дерево всегда въ однихъ окрестностѧхъ вырастаетъ, длѧ чего птицы и насѣкомыѧ имѣютъ свои гаи и корчи? Всюда постерегаемъ, що тїи розличнїи краски тѣни и свѣтла такъ окꙋ нашемꙋ представлѧютсѧ, ѧкъ на образѣ искꙋснѣйшого живописца.

Все понѧтое въ своей свѧзи имѣетъ цѣль; нищо не сꙋществꙋетъ само собою ни длѧ себе самого. Все должно въ природѣ совокꙋпити въ окрꙋгъ себе оуказанное. Найвысшїи горы притѧгаютъ водꙋ съ облаковъ и оудѣлѧютъ ею низшимъ, море снабжаетъ ихъ своими водами, вѣтры розносѧтъ ею часточками жаждꙋщимъ сотворенїѧмъ. Пѣски по скалахъ розстелены движенїѧмъ вѣтровъ повинꙋютсѧ. Даже самы тѣла небесныи, просвѣщающїи столь многимъ поколѣнѧмъ, когда то перестанꙋтъ свѣтити. Цѣлое небо звѣздами застланное, таѧ крѣпость, ѧкъ ю письмо сватое называетъ, когда то постарѣ-

етсѧ. Небо есть одеждою Господа, говоритъ Ѱалмиста, которȣю наконецъ съȣпотребитъ и скинетъ ꙗкъ шатеръ; но онъ самъ во вѣки вѣковъ пребывати бȣдетъ."

Найогиднѣйшаѧ гниль издаетъ благовонный цвѣтъ. Каждаѧ жизнь есть оумерщвленїемъ новой жизны. Природное или нравственное зародище великихъ перемѣнъ на свѣтѣ тысѧщными переходами стремитсѧ къ своей цѣли и долгими вѣками незамѣчательно достигаетъ ею.

Во обще, що нигдѣ просвѣщеннымъ оумомъ нашимъ испытȣемъ, всюда находимъ задоволѧщое Провидѣнїе и порѧдокъ въ природѣ; не видимъ оужъ въ одинокихъ приключенїѧхъ оужасности, но неизбѣжимость одного порѧдка и цѣли.

Тое самое повторѧетсѧ въ нравственномъ мїрѣ. До него приспособлѧетъ насъ приглѧдыванїе къ величественности природы. Занимаютъ насъ розвалины, надъ которыми время торжествȣетъ, во мы когда то надъ нимъ торжествовати бȣдемъ. „Гробъ, сказалъ когда то св. Пїерре, есть памѧтникомъ, положенымъ междȣ двома мїрами." Не чȣвствовали бы мы, чимъ бȣдемъ, не имѣючи предъ собою настоѧщой ничтожности. Тое найбольше клонитъ насъ къ чȣвствȣ благородномȣ и человѣколюбивомȣ. Исторїѧ пресвѣдчаетъ насъ, що послѣ разрȣшенїѧ Лисбоны избѣгшїи безпощадномȣ истребленїю обнималисѧ взаимно, прїѧтель съ непрїѧтелемъ, богатый съ оубогимъ, вѣрный съ невѣрнымъ; каждый дѣлилсѧ съ иными тымъ, що могъ спасти отъ истреблѣнїѧ. По сказанїѧмъ пȣтешественниковъ подобно дѣетсѧ на кораблахъ при сближающейсѧ бȣрѣ.

Въ той то мысли представленїѧ въ изображенїѧхъ искȣственныхъ важныхъ приключенїй и великихъ характеровъ оублагороднѧетъ оумъ, оно есть мȣжескою красотою поезїи; задныкность и сознанїе чести человѣка вожбȣждаютъ въ насъ ꙗвленїе характера надъ конечность высшого, который торжествȣючи надъ смертїю снимаетъ только недогоднїи свои шаты.

Знернимъ вдаманїе на человѣка, который только подъ влїанїемъ прїѧтныхъ понѧтїй проживалъ: бȣдетъ онъ добрымъ и любимъ длѧ насъ, щастливымъ длѧ себе, но дотолѣ только, поки щастье отъ него не отвернетсѧ. Есть онъ добрымъ, ꙗкъ дитѧ незнающое ничего кромѣ своихъ оувеселительныхъ забавъ, но онъ стаетсѧ тѣмъ нещастливѣйшимъ, когда его жребїй объемлетъ въ свои желѣзнїи рȣки. Противо же человѣкъ огладный привыкнȣвшїй къ высшимъ чȣвствамъ, и въ бѣдствїѧхъ становитсѧ бодрымъ и возбȣждаетъ длѧ себе почитанїе.

Кантъ сказалъ, що изображенїемъ величественности есть полъ мȣжескїй, красоты же полъ женскїй. И истинно, кто дрȣгой половинѣ рода человѣческого надалъ прозвище красной, хотѣлъ может быти только оказати свое почитанїе; междȣ тѣмъ але изрекъ онъ истиннȣ достойнȣю близшого розсмотренїѧ. Наименьше оуважный оувидитъ, що мȣжчина съ поставы самой до трȣдовъ, мозоль и дѣлъ мȣжественныхъ есть соткоренный, и то становитъ розличїе бȣдовы его тѣла отъ того пола, которомȣ нѣжнїи, домовыи обовѧзки назначила природа: съ оттȣда въ загалѣ оуроды досконалы мȣжчины есть благородною, женщины красною.

Довольно бȣдетъ до сихъ спостереженїй Философа примѣтити нѣкоторїи розличїѧ нравственнїи, съ физическими свѧзь имѣющими; понеже природа всюда въ внѣш-

номъ видѣ изрыла отвѣтнїи нравственнїи признаки.

Оуже дѣти самїи оуказȣютъ, що тїи розличїѧ не звычай и образованїе, але сама природа имѣти хотѣла. Хлопчина оуже съ инстинкта забавлѧетсѧ тымъ, до чего есть призначеннымъ: конь, шаблѧ, скаканье по деревахъ, а даже оужасное мȣченїе звѣрѧтокъ, сȣть его забавки. Дитѧ женского полѧ любȣесь въ строѧхъ, лѧлькȣ свою не только оубираетъ, но и колышетъ, оказȣючи оуже материнскїи склонности. Братъ, въ ровномъ вѣкȣ, окажетъ склонность къ мȣжествȣ, она къ милосердїю. Тамтого все занимаетъ въ природѣ и искȣствахъ, онъ дѣлаетъ вопросы: къ чомȣ и длѧ чего? словомъ знаменаетъ себе призначенымъ быти къ изслѣдованїю истины. Таѧ противо вопрошаетъ о тое, що до домовыхъ снарѧдей належитъ, ей любопытность ограничаетсѧ до того, що есть краснымъ и звычаевымъ.

Въ томъ то розличїю пола къ величественнымъ и краснымъ чȣвствамъ заложила природа чȣднȣю гармонїю къ взаимномȣ досконаленїю людей. (п. с.)

ДОПИСЬ

— Зъ подъ Бескида —

Въ числѣ 7 Зори Галицкой укоряетъ насъ нѣкій дописыватель „зъ подъ Карпатъ" — що мы въ продолженіи десяти лѣтъ на поприщи литературномъ ничего доселѣ несдѣлали успѣшного, що мы далеко остались за нашими побратимами Славянами и що мы якъ прежде дрѣмали, такъ теперъ хочемъ тяжкимъ сномъ уснути. — Дописыватель „зъ подъ подъ Карпатъ" очень съ строгимъ судомъ выступилъ противъ всѣмъ Галицкимъ писателямъ и оскорбилъ весьма большую часть нашихъ сподвижниковъ народной жизны и отечественной литературы. Кто близше познакомился съ нашими средствами матеріяльными, кто застановился надъ состояніемъ литературы нашой передъ 1848 годомъ и сровналъ съ теперѣшнымъ процвѣтаніемъ оной, мимовольно долженъ признати, що мы при нашихъ нужденныхъ обстоятельствахъ. при многихъ препятствіяхъ очень много сдѣлали, и когдабы азбучная борьба между нашими Литератами не была повстала, котора на пустомъ розумованію кончилась, кто знаетъ чи не имѣли бы мы хорошихъ сочиненій, которыхъ въ послѣдныхъ двохъ лѣтахъ ни одного не появилось. Зъ того видно, що обѣ тіи партіи языкословніи не имѣли постоянности къ переведенію сего спора до коньця а тымъ самымъ и стремленіе, которое кажда изъ нихъ себѣ предназначила, оказалось не практичнымъ. Мы должны писати не для насъ самыхъ ученыхъ, но цѣлею и святымъ обовязкомъ есть розпространяти науку между нашимъ бѣднымъ народомъ, просвѣтити его и приспособити къ лучшому бытію. Каждый писатель долженъ зважати, що онъ пишетъ для народа ино що отродившогося, що тутъ не нужно употребляти высокопарныхъ изреченій, которыхъ нуждается выписывати изъ россійского Словаря, которыхъ такимъ дѣломъ онъ самъ не знаетъ, а которіи народъ долженъ розумѣти? Не есть же таковое сочиненіе бездѣльнымъ гласомъ вопіющого въ пустинѣ? Про тое не диво, що народъ съ невеликою охотою покупляетъ такіи книжки, бо не суть въ его дусѣ писаны, не застосованы къ его потребамъ а що найбольше написаны языкомъ, до которого онъ ніякъ и никогда не пріймется. Языкъ нашого народа есть чистымъ хотя простолюдинъ не говоритъ по правиламъ граматическимъ, про тое однако не имѣемъ потребы позычати чужихъ формъ, ино свои собственныи образовати, не потребуемъ въ нашъ языкъ мѣшати складню чужу неприродну его образованію. Для народа треба якъ найкоротше но срозумѣло писати, потреба перенестись мыслями и чувствами въ его становище, вѣрно отдати его жизнь а онъ сердцемъ и душою прильгнетъ до свого. Такъ поступали всѣ народы и достигли спасательной цѣли, для чего же и намъ не послѣдовати ихъ примѣру? Возьмѣмся щиро соединенными силами до дѣла, работаймо по силамъ нашимъ въ пользу народа а онъ узнаетъ нашъ трудъ и подастъ намъ средства, которыхъ доселѣ не имѣемъ и не можемъ имѣти, когда отступаемъ отъ народного стремленія и залишаемъ

народну жизнь взяти за образецъ и пересякнути нею.

ВСЯЧИНА.

— Къ торжественнѣйшимъ обрядамъ цѣсарского двора, принадлежитъ набожный обычай умыванія ногъ убогимъ въ Великій Четверъ. Сего года обрядъ былъ о столько свѣтлѣйшимъ, що Найяснѣйша Цѣсарева во первый разъ въ немъ участвовала. О 7 часѣ рано удалися Найяснѣйшіи Величества съ иными Членами цѣсарской родины на службу божу до каплицѣ цѣсарской. О девятомъ часѣ удалися въ томъ самомъ сопровожденію на ораторіумъ. Послѣ перенесенія найсвятѣйшихъ таинъ въ процессіи до св. гроба, все общество поступало до цѣс. зали церемоніяльной, въ которой уже все до умыванія ногъ приладжено было. Находилось тутъ 12 убогихъ старцей и столькожъ женщинъ. Особы тіи облечены были въ старосвѣтскіи нѣмецкіи строи, и усажены въ округъ стола, мужескій полъ по правой, а женскій по лѣвой сторонѣ. Скоро только Ихъ Величества вступили въ залю, принесено убогимъ яствія. Що съ яствій лишилось, купно съ начиньемъ вложено до коша орломъ цѣсарскимъ и днемъ снабженного и занесено яко даръ убогимъ до дома. По сему столы спрятано и начался обрядъ умыванія ногъ. Его Величество сдѣлали сей набожный обрядъ на 12 старцехъ, а Найяснѣйша Цѣсарева на 12 женщинахъ. Въ концѣ завѣшено на шею каждого убогого еще новую мошенку съ 32 сребренниками, послѣ чего Ихъ Величества удались до своихъ комнатъ.

— Буря пѣскова въ Египтѣ. Англійскій корабль „Пера" плавающій между Англіею и Александріею, сблизившись 3го Лютого къ берегамъ Египетскимъ, былъ свидѣтелемъ, особенного явленія. Около полудня солнце що разъ меньше можно было видѣти, а въ короткомъ времени небо со всемъ потемнѣло; корабль покрытъ былъ мѣлкимъ порохомъ, который даже путешественникамъ втискался въ уши и уста. Тревога завладѣла всѣми, понеже обавлялись великого несчастья. Заперто всѣ отворы, а Капитанъ велѣлъ корабль обернути, щобы назадъ въ отвертое море отплысти, понеже средъ бѣлого дня господствовала совершенная темнота, а вѣтеръ такъ сильно повѣвалъ отъ юга, що море що разъ больше поднималось. Корабль отплылъ 40 до 50 миль англійскихъ, однако темнота и тутъ существовала. Была то истинная темнота Египетская. Осьмъ часовъ тревало тое явленіе; тогда небо розяснилось, вѣтеръ усталъ, а море стало назадъ супокойнымъ. — Прибивши до Александріи, довѣданося слѣдующое: Въ пустынѣ Сагара внутрь Африки была буря пѣскова, извѣстная въ Египтѣ подъ названіемъ „Шамсынъ," которая сягала въ теперѣшное время ажь надъ море, що до сего времени еще не приключалось. Страшніи слѣдствія лишила сія буря по собѣ. Мѣстцами ажь на пядь все покрыто было порохомъ; дерева съ коренемъ перевернены, возы на колѣяхъ зелѣзныхъ вывернены, а цѣлыи стада потонули въ каналѣ между Александріею и Каиромъ. — Шамсынъ происходитъ зъ сагарской пустыни, тамъ подноситъ онъ пѣсокъ массами яко бы горы; тяжшіи зерна спадаютъ на землю, а легшіи и порошковатыи массы буря забираетъ съ собою въ далекіи стороны.

— Въ Кіевѣ больше двохъ сотъ человѣкъ занимаются иконописаніемъ и издѣліемъ крестовъ, крестиковъ и образковъ зъ розличныхъ матеріяловъ. Подобныхъ крестиковъ въ день одинъ рѣччикъ изготовляетъ отъ шести до осьми. Въ Кіевѣ занимающихся изготовленіемъ однихъ крестиковъ больше тридцяти человѣковъ. Середнимъ числомъ каждый изъ нихъ изготовитъ въ годъ до 1750 крестиковъ, а 30 человѣковъ до 52500 крестиковъ. Крестиковъ же простой отдѣлки выдѣливается въ пятеро болѣе. Всѣхъ вообще мѣлкихъ вещей: крестиковъ и иконокъ розходится въ Кіевѣ въ годъ середнимъ числомъ на 3 тысячи руб. ср. Крестиковъ по числу 80.000 богомольцевъ розходится больше 240.000.

— Бодрость россійского селянина. Берлиньска часопись „Neue P. Zeitg." бороначи россійское мужество противу нападанію западныхъ часописей, которыи утверждаютъ, що мужество у Россіанъ происходитъ только изъ „рабской подданости," и такъ ніякой цѣны не имѣетъ, означаетъ любовь къ отчеству и бодрую отважность русского мужика слѣдующимъ приключеніемъ изъ г. 1812. Когда Наполеонъ ступалъ на Москву,

приведено въ его головный станъ русского мужика, которого на полѣ захватили французкіи воины, дабы онъ объучилъ ихъ объ окрестныхъ дорогахъ и мѣстоположенію, а понеже Французы не понимали русского языка, польскій офицеръ былъ переводчикомъ. Мужикъ отвѣчалъ совсѣмъ мирно и истинно на всѣ ихъ вопросы и не подумалъ даже, що тое его извѣщеніе могло вредити его соотечественникамъ. Французкіи офицеры начали съ нимъ жартовати а одинъ изъ нихъ написалъ на лѣвой руцѣ мужика велику букву Н, що мужикъ въ первомъ разѣ не замѣтилъ. Но скоро постерегъ на своей руцѣ Н, поглянулъ вокругъ себе и вопросилъ: що означаетъ тая напись на его руцѣ? Одинъ поручикъ, который найбольше съ мужикомъ забавлялся, сказалъ ему: Тое великое Н на твоей лѣвой руцѣ значитъ, що ты отселѣ ужъ не рабъ твоего царя, но подданый французкого царя Наполеона." Едва услышалъ мужикъ таковую рѣчь, посмурилось его лице, онъ дрожалъ на всемъ тѣлѣ, вынялъ зъ подъ пояса топорецъ, положилъ лѣвую свою руку назначеную буквою Н на столъ ближайшого писаря и — однымъ замахомъ рука отсѣченна покотилась подъ ноги присутствующихъ. Теперь начали Французы одинъ на другого глядѣти и промышляти, съ якъ отважнымъ непріятелемъ должны сражатися. —

— Людвикъ XV переглядалъ одного дня своихъ конныхъ гренадіеровъ; въ его товаришествѣ находился также посолъ англійскій. Король, переѣзжаючи коло одного гренадіера, которого лице совсемъ было окрыто шрамами, задержался и сказалъ до Англика: „Признайте Господине самы, що тымъ людямъ на лици есть написано, що они суть найлучшими воинами въ Европѣ." — „Але що Вашое Величество скажетъ о тыхъ" отвѣтилъ посолъ, „которыи тіи шрамы сдѣлали?" Король на такъ несподѣваный и трафный отвѣтъ умолкъ. Въ томъ перервалъ тое молчаніе Гренадіеръ и мрукнулъ съ злостію: „Они погибли!"

— Нѣкая Госпожа дуже любила пташки и коты, а не могучи ихъ разомъ тримати въ одной комнатѣ, думала она надъ средствомъ якимъбы ихъ погодити могла. Молодого канарка и слѣпого еще маленького кота начала купно годовати, и въ короткомъ времеии освоились тіи звѣрята съ собою такъ, що отселѣ сталися неотлучными пріятелями. Котъ бавился съ канаркомъ изъучившимся ужъ спѣвати. Найлучше любилъ сидячи на головѣ кота свои чудныи звуки издавати. Тревало тое черезъ 2 лѣта. Во время обѣда канарокъ звычайно скакалъ помежь мисочками сбираючи солодкіи окрушины и увеселяючи присутствующихъ а котъ сидѣлъ на креслѣ коло своей госпожи, въ томъ выскочилъ на столъ, порвалъ своего пріятеля канарка и унесъ на печь! Перестрашенна Госпожа была уже певною, що улюбленый пташокъ пересталъ уже жити въ шпонахъ кота, который наконецъ почувствовалъ врожденную любовь похищенія пташковъ; но якже она задивовалась, когда увидѣла, що канарокъ остался въ живыхъ. — Чужій котъ вкрался до комнаты. Пріятель канарка видячи, що канарокъ могъ бы упасти жертвою чужого пришельця, порвалъ своего любимця, абы его охоронити —

— Якъ долго человѣкъ можетъ жити безъ всякого поживленія? Въ Дортмундѣ осужденъ былъ нѣкій Гаспаръ Каппель за убійство на смерть. Дабы убѣгнути соромной смерти предпринялъ онъ самоубійствомъ закончити свое житье. Но стражники глядѣли на каждое его движеніе и уничтожили его намѣреніе лишеніяся жизни обвѣшеніемъ. Для того постановилъ онъ ничего не принимати съ прокормленія и голодомъ уморити себе. По двохъ дняхъ принуждали его всякимъ способомъ, абы принималъ поживленіе, но онъ нїякъ не дался наклонити къ сему. Не помогли ничего ни приговоры духовного пастыря ни лѣкаря, онъ остался постояннымъ и терпѣлъ голодъ десять дней и ночей живучи только самою водою. Одинадцятого дня пересталъ жити а тѣло его въ продолженію тыхъ 10 дней важило о 69 фунтовъ менше якъ прежде. — Симъ примѣромъ опровергнуто мнѣніе, що самоубійство голодомъ есть не можебнымъ, утверждали бо физіологи, що человѣкъ хотящій уморити себе голодомъ по нѣсколькихъ дняхъ почувствуетъ любовь къ житію и лишается сей бѣшенной гадки. —

Тиномъ Института Ставропигіанского. Редакторъ Николай Савчиньскій.